

ПРОБЛЕМЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (2000–2019 ГОДЫ)

И. В. Зиньковская, А. Ю. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2019 г.

Аннотация: в начале XXI в. приоритет в изучении готской проблемы перешел к археологии, при этом украинское черняховеведение переросло традиционный вещеведческий уровень исследований и вплотную приблизилось к решению ключевых вопросов истории юга Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья.

Ключевые слова: черняховская культура, государство Эрманариха, готы, славяне, венеда, анты.

Abstract: in early 21st century, the main focus in the Gothic studies moved to archaeology, and the Ukrainian Chernyakhov studies have overgrown the traditional archaeological level and come ever closer to the solution of key issues in the history of the southern part of Eastern Europe at the edge of Antiquity and Middle Ages.

Key words: chernyakhovskaya culture, state of Ermanaric, Goths, slavs, Venedi, Antes.

До начала 90-х гг. XX в. среди украинских археологов во взглядах на проблему «готы и черняховская культура» наблюдался практически тот же спектр оценок, что и среди российских исследователей. Но после провозглашения независимости Украины все громче стал слышен голос сторонников готской принадлежности черняховской культуры (далее – Ч.К.). Неоднородность этнической структуры черняховского населения больше никем особо не оспаривалась, хотя в украинской лесостепи по-прежнему предпочитали видеть славян [1, с. 97; 2, с. 200]. Однако в дальнейшем взгляды украинских исследователей начинают существенно изменяться, вплоть до исключения славян с этнической карты Левобережья Днепра на рубеже Древности и Средневековья [3, с. 191].

Один из ведущих украинских специалистов по археологии ранних славян В. Д. Баран утверждал, что Ч. К. формируется еще до появления готов в Северном Причерноморье [4, с. 152–162]. Он связывал со славянами верхнеднепровскую группу черняховских памятников типа Демьянов-Черепин и древности типа Хлопкова-Боромли на Левобережье Днепра, а с пришлыми германцами – памятники с элементами вельбаркской традиции [5, с. 172–182]. В конце 1990-х гг. позиция исследователя несколько изменилась и сблизилась с классической модификацией готской теории М. Эберта, согласно которой готы, переселившись в Северное Причерноморье, наслоились на разнотническую массу местного населения и как господствующий слой во многом определили характер местной культуры. По его заключению, именно готы являлись стержнем полиэтнического союза и способ-

ствовали интеграции в него разнотнических элементов [там же, с. 172]. В более поздних своих работах В. Д. Баран отождествляет памятники типа Демьянов-Черепин с Ч.К. и объясняет появление их элементов на Левобережье Днепра миграцией группы ранних славян как одних из носителей Ч.К. [6].

Несколько иных взглядов придерживается Д. Н. Козак, исследовавший на Западной Украине ряд пшеворских и вельбаркских памятников [7; 8]. Он полагает, что по пути на юг готские племена осели на землях современной Волыни и Подолии, вытеснив местное население – племена зубрицкой и позднерубинецкой культур, связываемые им с венедами [9]. Действительно, в последней четверти II в. памятники названных культур внезапно прекратили свое существование и сменились поселениями и могильниками вельбаркского типа. Д. Н. Козак подчеркивает, что никаких контактов между этими двумя народами по археологическим и письменным данным здесь не наблюдается [там же, с. 25]. В итоговой монографии «Венеда» Д. Н. Козак утверждает, что готы установили политическое господство над славянами и всеми другими племенами, населявшими Украину во II–IV вв., кроме славянских группировок Верхнего Поднепровья и Днепровского Левобережья. При этом готы отрезали венедам выход к морю и тем самым нарушили их связи с античными городами. Обладая военным преимуществом, они разоряли поселения, сжигали и топтали посеи, создавая тем самым невыносимые условия для нормальной жизни. Впоследствии был достигнут компромисс, который базировался на признании венедами политической и вассально-даннической зависимости от готов при гарантии безопасности их жизни и торговли с античными городами. По мнению Д. Н. Козака, этот во-

енно-политический феномен и получил название «держава» Германариха [10, с. 212–214].

О. М. Приходнюк первым попытался применить к интересующей нас проблематике цивилизационный подход [11, с. 321–322]. Он считал черняховское общество переходным к раннеклассовому, находящимся на пути к созданию собственной государственности, и на этом основании предложил отказаться от традиционного названия «черняховская культура», заменив его на «протоцивилизацию» как более соответствующее уровню его социального развития [12]. Исследователь полагал, что это понятие точнее передает суть черняховского феномена, так как в него вошли несколько разнокультурных и разноэтнических образований на уровне отдельных моноэтнических археологических культур. Создателями этой «протоцивилизации» могли быть только готы как «единственные пассионарии» на близлежащем пространстве [13, с. 34]. Здесь явно чувствуется влияние идей Л. Н. Гумилева.

Безусловно, ведущим специалистом по Ч.К. и связанной с ней этноисторической проблематике является Б. В. Магомедов. Ему принадлежит капитальный труд, посвященный Ч.К. [14]. Он включает не только наиболее полную сводку черняховских памятников, открытых на территории Украины, Молдовы, России, но и их археологический анализ, выполненный на современном научном уровне [15]. По мнению Б. В. Магомедова, Ч.К. возникла на основе вельбаркской культуры при сильном провинциально-римском влиянии. Этническую основу этой культуры создали германские племена, а основную массу ее населения составляли готы [14, с. 4–43, 115]. Но Б. В. Магомедов допускает, что в германские общины спорадически включались представители других этносов (поздние скифы, сарматы, славяне, фракийцы). При этом формирование новой этнокультурной общности проходило при мощном воздействии провинциально-римской цивилизации [там же, с. 113–114].

Весьма показательно для современного уровня развития черняховедения то, что Б. В. Магомедов не ограничился лишь археологическим анализом Ч.К., но попутно рассмотрел некоторые исторические, социальные и этнографические аспекты готской проблемы. Он привел ряд новых археологических данных, еще раз подтвердивших старый тезис, что в экономическом отношении черняховское население существенно выделялось на фоне соседних варварских народов [там же, с. 89]. Отдельный параграф монографии посвящен «эре Германариха» [там же, с. 141–143]. В отличие от большинства российских и украинских ученых основное ядро его «державы» исследователь локализует в Поднепровье, где обычно размещали славян-антов. Он соглашается с теми исследователями, которые видели в Германарихе про-

образ могущественного эпического короля Рейдготланда Хейдрека [16]. На третьем этапе развития Ч.К. около 330–375 гг. происходит массовое распространение черняховских памятников в лесостепной зоне Восточной Украины. Эти события нашли отражение в рассказе Иордана о походах Германариха против венетов. Равноправное сожителство германских и славянских общин исследователю не представляется возможным [14, с. 134–147].

Книга Б. В. Магомедова хотя и не решила до конца основные вопросы готской проблемы в Северном Причерноморье, тем не менее еще раз убедительно продемонстрировала, какими большими возможностями располагает современное черняховедение для изучения интересующей нас темы. По существу в ней в систематизированном виде представлен новый массовый источник, без учета которого сейчас невозможно продвинуться вперед в изучении истории юга Восточной Европы в целом и проблемы «державы» Эрманариха в частности.

Ведущий украинский археолог-славист Р. В. Терпиловский неоднократно обращался к проблеме взаимоотношений готов и древних славян. В завершеном виде его взгляды изложены в итоговой монографии. Он признает, что в начале IV в. отдельные группы носителей Ч.К. с вельбаркской традицией (готы) продвигаются на север, на территорию, ранее занятую племенами киевской культуры (венеты). Сложившуюся в лесостепи ситуацию исследователь связывает с описанной Иорданом войной готов с венетами. Археологически это подтверждается тем, что на ряде поселений киевский горизонт перекрыт черняховским [17]. Р. В. Терпиловский выступил против гипотезы о переселении на Левобережье Днестра в середине III в. части верхнеднепровского населения и смешения его с местным киевским. Он отмечает, что имели место постоянные микромиграции по линии запад – восток небольших групп населения: как «раннечерняховских группировок», так и части «верхнеднепровского населения», родственного местным киевским племенам. Поэтому памятники типа Черепин и Боромли-2 были явлениями одного порядка [18].

А. А. Васильев проанализировал соотношение сарматских и черняховских памятников Буджака второй половины III – начала V в. Ему удалось установить, что в формировании черняховского населения этого региона приняли участие германцы, выходцы из лесостепных областей, местное сарматизированное население и мигранты из Крыма. Появление черняховского населения в Буджаке автор связывает с договором, заключенным в 332 г. между готами и Римом, а его исчезновение в начале V в. – с перемещением на Дунай подвластных гуннам племен [19, с. 16].

Вопрос о культурно-этнической атрибуции подкурганных погребений с черняховскими вещами типа Кантемировка рассмотрен А. В. Симоненко. По его мнению, они оставлены аланами-ганаитами, которые не входили в состав готского объединения, но граничили с ареалом Ч.К. и иногда в него проникали [20, с. 90; 21]. Наоборот, О. В. Гопкало не выделяет подкурганные погребения типа Кантемировка из состава Ч.К. [22, с. 20]. Исследовательница также проанализировала содержание раннего этапа культуры Черняхов-Сынтана-де-Муреш. Она возвращается к гипотезе П. Н. Третьякова о «провинциально-римской вуали в черняховской культуре» и пытается ее обосновать на новейших материалах. Сравнение древнейших черняховских погребальных памятников с предшествующими и синхронными вельбаркскими демонстрирует разительное отличие их погребальных обрядов. В то же время раннечерняховский погребальный обряд по целому ряду признаков совпадает с погребальным обрядом ближайших римских провинций, например, Дакии, и демонстрирует следование античным нормам. О. В. Гопкало и А. С. Милашевский делают вывод о продолжении процесса романизации в результате непосредственного участия выходцев из римских провинций в социально-политической жизни варварских конфедераций [23].

К. В. Мызгин проанализировал находки римских монет, датирующихся серединой II – началом III в., обнаруженных на черняховских памятниках IV – начала V в. По его мнению, римские монеты попали на территорию днепро-днецкого водораздела вместе с носителями «классической» Ч.К., зоны концентраций черняховских памятников в целом совпадают с зонами концентрации находок римских монет. Для населения Ч.К. была характерна только меновая торговля, т. е. римские денарии играли лишь роль товара, выполняя посреднические функции [24, с. 68–79]. Однако, как следует из письменных источников, гревтунги/остроготы обладали немалыми деньгами и использовали их в зависимости от обстоятельств. Так, по сообщению Аммиана Марцеллина, Витимир, избранный королем сразу после смерти Эрманариха, «за деньги привлек в союз с собой» другое племя гуннов (Аmm. Marc., XXXI.3.3.). О наличии денежного обращения у готов в IV в. прямо свидетельствует и лексика «Готской Библии» Вульфилы [25, с. 271].

Г. В. Бейдин и К. В. Мызгин рассмотрели также находки в ареале Ч.К. боспорских монет, появление которых объясняется торговлей варваров с Боспором, а также военной деятельностью варваров и разграблением в середине III в. Боспора. Подавляющее большинство боспорских монет, по мнению исследователей, синхронно предчерняховскому горизонту Боромля, а не «классической» Ч.К. [26, с. 135–141].

Черняховской проблематике днепро-днецкой лесостепи посвящены многочисленные исследования харьковского археолога М. В. Любичева. Он ввел понятие «горизонт Боромля», под которым понимается группа поселений, существовавшая на ступенях C1b-C2 и появившаяся вследствие миграции части носителей памятников типа Демьянов-Черепин из Верхнего Поднепровья, включающих в себя некоторые элементы Ч.К., но не являющихся собственно черняховской культурой [27, с. 51]. С выделением горизонта Боромля исследователем была выдвинута также гипотеза о двух культурно-хронологических горизонтах позднеимперского времени в регионе: горизонта Боромля и горизонта «классической» Ч.К. [28].

В своей последней монографии «Ранняя история днепро-днецкой лесостепи I–V веков» [3] М. В. Любичев относит появление классической Ч.К. в днепро-днецкой лесостепи к началу – первой четверти IV в. Об этом, по его мнению, свидетельствует датировка самых ранних погребений на биритуальных могильниках (Компанийцы, Соснова и др). В регионе появляется новая северо-западная культурная модель, которая также характерна для вельбаркской культуры и масломенчской группы. Свидетельством ее переноса кроме поселений и могильников является состав кладов римских серебряных денариев чеканки I–II вв., идентичный с составом кладов в ареалах пшеворской и вельбаркской культур. В носителях классической Ч.К. М. В. Любичев видит остроготов/грейтунгов Германариха [3, с. 185]. Автор выдвигает свою гипотезу комплекса причин массовой «черняховской колонизации». В условиях мирных отношений с Римской империей после договора 332 г. часть готов двинулась от Подунавья на Правобережье Днестра и далее на северо-восток на Днепровское Левобережье для освоения новых территорий. Следует отметить, что эта гипотеза впервые была сформулирована М. Б. Щукиным в целой серии его работ [29, с. 210, 217]. Второй причиной назван быстрый рост черняховского населения. Историческая ситуация второй четверти IV – конца IV / начала V вв. характеризуется присутствием огромного количества населения при большой плотности его размещения. Существовала поселенческая структура, по своей плотности сравнимая в этом регионе с ситуацией конца XVIII – XIX вв., т. е. с хуторской системой. Эта причина также не нова, она убедительно аргументирована в исследованиях Б. В. Магомедова, М. Б. Щукина, И. В. Зиньковской [14, с. 127; 29, с. 206–210; 30, с. 27].

Археологический горизонт классической Ч.К., по мнению исследователя, может соответствовать историческим «обширным и плодородным землям Эрменариха». М. В. Любичев вслед за М. М. Казанским считает, что «черняховская культура являет собой готскую федерацию германских и негерманских пле-

мен». Понятие «федерация племен» тождественно применявшемуся в советское время в отечественной науке понятию «союз племен» [31, с. 121, 158]. Эту дефиницию вряд ли сейчас можно признать удачной. Аммиан Марцеллин, а позже Иордан знают лишь *regnum* Эрманариха и ни разу не упоминают о каком-либо «союзе племен». Между двумя этими понятиями – большая разница, так или иначе отражающая сам механизм возникновения ранних потестарных образований.

Концепция М. В. Любичева, которая представляет Ч.К. как федерацию германских и других племен, противоречит археологическим данным, полученным самим же исследователем. Так, изучив гончарное производство и его следы в виде гончарных мастерских с печами для обжига керамики – горнами, он приходит к выводу, что во всех регионах Ч.К. существовала одна экономическая модель вне различий в культурных процессах [3, с. 186]. Это, на наш взгляд, могло быть только при наличии прочной политической власти, обеспечивающей экономическую стабильность и единую модель, но ни в условиях племенной или тем более разноплеменной «федерации». Рассматривая горизонт классической Ч.К. на ступени С2/С3 и позднее в зоне днепро-донецкой лесостепи, исследователь не выделяет каких-либо локальных культурных особенностей, а наоборот, обосновывает «некую унифицированную культурную модель» [там же, с. 186]. В таком случае утверждения о какой-либо разноплеменной федерации вообще остаются беспочвенны. Единая культурно-экономическая модель в рамках Ч.К. является доказательством существования на данной территории сильной политической власти, которая, согласно письменным источникам (Аммиан Марцеллин, Иордан), была представлена правящей остроготской династией Амалов.

Рассматривая северные рубежи остроготской «державы» Эрманариха, М. В. Любичев вступил в дискуссию с А. М. Обломским по группе памятников типа Седелки-Каширка на Верхнем Дону. По мнению М. В. Любичева, верхнедонское население не входило в состав остроготской державы Эрманариха, так как верхнедонские поселения прекращают существование в первой половине IV в. Родственное же население в днепро-донецкой лесостепи, оставившее памятники типа Боромля, наоборот, вошло в державу Эрманариха или было вытеснено на север [там же]. Однако автор намеренно умалчивает здесь о времени функционирования поселений типа Боромля, их горизонт (середина III – первая четверть IV в.) также предшествует эпохе Эрманариха (350–376). Поэтому судьба этого населения, как и судьба верхнедонского населения, остается до конца не выясненной. Можно только делать предположения о том, вошли они в состав державы или были вытеснены со своих земель.

На с. 185 автор пишет, что население горизонта Боромля, т. е. «венеты», отошло на север под давлением носителей горизонта «классической» Ч.К., остроготов/грейтунгов Эрманариха. Следовательно, они, по логике исследователя, также как и верхнедонское население, не вошли в состав Готской державы. Если мы обратимся к письменным источникам, то в «Гетике» говорится, что Эрманарих поработил венетов, а не вытеснил их на север «*tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt*» (Get., 119). По представлениям Иордана, венеты и так проживали на севере, сообщение о них находится в «Гетике» перед упоминанием племени эстов на побережье Германского океана (Get., 119–120). К сожалению, М. В. Любичев оставил без внимания весьма представительную западную и российскую историографию вопроса о «северных народах» и венетах, их взаимоотношениях с державой Эрманариха.

М. В. Любичев, наверное, один из немногих в настоящее время исследователей, который отрицает кризис и упадок Ч.К. после 375 г., т. е. после нашествия гуннов и гибели остроготского короля Эрманариха. По его мнению, ареал культуры в регионе на ступенях D1 – начале D2 был таким же, как и в «эру Эрманариха». На поселениях отсутствуют следы массовых пожаров и разрушений. «Тезис о прекращении существования Ч.К. в связи с приходом гуннов, основанный на письменных свидетельствах, находится в противоречии с археологическими реалиями» [там же, с. 189]. По мнению исследователя, исчезновение Ч.К. в регионе не было растянутым во времени «фазой упадка» или «периодом затухания», а произошло практически мгновенно. Нашествие гуннов непосредственно не затронуло лесостепь, но присутствие гуннов в Понтийских степях могло нарушить уже ставшие традиционными связи готских королевств с Империей и привести к нарушению экономики самих королевств. М. В. Любичев присоединяется к сторонникам природно-климатической гипотезы прекращения Ч.К. (Р. Г. Шишкин и др.), которые причинами ее упадка считают деградацию черноземов и увлажнение климата к концу IV в. Внешнеполитические факторы (гуннская экспансия), на их взгляд, были второстепенными и не повлияли на судьбу Ч.К.

Однако согласно письменным источникам остроготы/грейтунги покинули свои земли и отступили к Дунаю, а затем попросили римские власти о разрешении через него переправиться не в силу увлажнения климата, а в связи с нападением гуннов. «*Смерть его (Эрманариха. – И. З.) дала гуннам возможность оселить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами*» (Get., 130). «*Сами же, как уже сказано, перешли Данубий и осели, с разрешения императора, в Дакии Прибреж-*

ной, в Мезии и в обеих Фракиях» (Get., 133). Ф. Бирбрауэр убедительно показал, что Ч.К. прекращает свое существование на ступени С3 (370/380 гг.) с возможным заходом в D1 (370/380–400/410 гг.). При этом значительная часть поселений была сожжена. По его мнению, исчезновение Ч.К. как культурно-исторического феномена и оставившего ее исторического образования остается непреложным фактом, и оно указывает на уход ее основных носителей – готов [32].

По мнению М. В. Любичева, после распада Ч.К. началось движение из лесной полосы на юг наследников постзарубинецкого горизонта («горизонта эмалей»), чьи предки были вытеснены из днепро-днепровской лесостепи еще в III в., во время горизонта Боромля. Автор, по-видимому, сознательно не использует термин «носители киевской культуры», отрицая, впрочем, и распространение последней в северной части днепро-днепровской лесостепи. Однако следует отметить, что носители киевской культуры также были наследниками постзарубинецкого горизонта.

Достаточно дискуссионной представляется нам этническая атрибуция «княжеских» погребений середины V в. и пеньковских древностей севера днепро-днепровской лесостепи как проявлений «германско-балтского симбиоза», появившегося в результате действия векторов со стороны Центральной Европы и лесной полосы Восточной Европы [3, с. 190]. Введенное М. В. Любичевым понятие «германско-балтский симбиоз» перекликается с предложенным еще в советское время В. В. Седовым понятием «славяно-иранский симбиоз» в отношении черняховских и постчерняховских древностей [33, с. 78–100; 34].

Во-первых, нет достаточных оснований полагать, что «княжеские» погребения середины V в. оставлены германцами. Так, например, Ф. Бирбрауэр решительно отрицает связь немногочисленных восточно-германских археологических материалов ступени D2 с готами Валамира или Венетария. По его мнению, они оставлены «рассеянными готами», которые подверглись аккультурации аланами или сарматами [32]. Б. В. Магомедов считает, что находки «княжеского» ранга середины V в. принадлежали аланам [14, с. 144–147].

Во-вторых, неприемлемо считать носителей пеньковской культуры балтами. Сам термин «балты» – сугубо лингвистическая конструкция, не отражающая исторические, этнические, а тем более археологические реалии. Абсурдное и ненаучное понятие «германско-балтский симбиоз» применительно к этнической истории Днепровского Левобережья можно найти лишь у лингвистов середины прошлого века, но никак ни в современных этногенетических и археологических исследованиях.

По мнению М. В. Любичева, «термины венеты и анты являлись не обозначением конкретного этноса,

но были сугубо территориальными понятиями, они маркировали удаленные, мало известные для писателей Римской империи народы» [3, с. 191]. Однако и гревтунги – «жители степей», и тервинги – «жители лесов» также были, по-видимому, первоначально территориальными понятиями, но им в праве на существование как этносам автор не отказывает. В целом предложенная М. В. Любичевым концепция «черняховской культуры и готской федерации германских и негерманских племен» более соответствует советскому периоду развития черняховедения 1950–1980-х гг. (Ю. В. Кухаренко, Э. А. Рикман, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков), нежели его современному этапу.

Таким образом, в начале XXI в. приоритет в изучении готской проблемы перешел к археологии, при этом украинское черняховедение явно переросло традиционный вещеведческий уровень исследований и вплотную приблизилось к решению ключевых вопросов истории юга Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баран В. Д. Черняховская культура / В. Д. Баран, Б. В. Магомедов // Археология Украинской ССР : в 3 т. / ред. В. Д. Баран. – Киев, 1986. – Т. 3. – С. 70–100.
2. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / ред. В. Д. Баран. – Киев, 1990. – 488 с.
3. Любичев М. В. Ранняя история днепро-днепровской лесостепи I–V веков : в 2 ч. / М. В. Любичев. – Харьков, 2019. – Ч. 1. – 268 с.
4. Баран В. Д. Черняхівська культура : за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу / В. Д. Баран. – Київ, 1981. – 263 с.
5. Баран В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. – Київ, 1998. – 336 с.
6. Баран В. Д. Черняхівська культура – поліетнічне утворення на території Південно-Східної Європи / В. Д. Баран // Археологія давніх слов'ян / ред. Д. Н. Козак. – Київ, 2004. – С. 91–102.
7. Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.) / Д. Н. Козак. – Київ, 1992. – 176 с.
8. Козак Д. Н. Поселення готів на Хрінницькому водоймищі (с. Хрінники, ур. Шанків Яр) / Д. Н. Козак // Археологія давніх слов'ян / ред. Д. Н. Козак. – Київ, 2004. – С. 49–90.
9. Козак Д. Н. До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. / Д. Н. Козак // Старожитності Русі – України. – Київ, 1994. – С. 31–36.
10. Козак Д. Н. Венеди / Д. Н. Козак. – Київ, 2008. – 470 с.
11. Приходнюк О. М. Археологические общности периода перехода к раннеклассовым образованиям / О. М. Приходнюк // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). – Тирасполь, 2002. – С. 319–322.

12. Приходнюк О. М. Про форми та зміст етнокультурних археологічних структур (фінальна стадія первісно-общинного ладу) / О. М. Приходнюк // Старожитності Руси – Україні. – Київ, 1994. – С. 65–67.

13. Приходнюк О. М. Про культурно-історичний зміст черняхівської спільності / О. М. Приходнюк // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні : тези доповідей семінару. – Київ, 1999. – С. 34–35.

14. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса / Б. Магомедов. – Lublin, 2001. – 276 с. – (Monumenta Studia Gothica. Т. 1).

15. Піоро І. С. [Рецензія] / І. С. Піоро // Археологія. – 2003. – № 1. – С. 145–149. – Рец. на кн.: Магомедов Б. Черняховская культура. Проблемы этноса. – Lublin, 2001. – 276 с. – (Monumenta Studia Gothica. Т. 1).

16. Магомедов Б. В. К истории финального этапа черняховской культуры / Б. В. Магомедов // Сто лет черняховской культуре / ред. М. Е. Левада. – Київ, 1999. – С. 39–47.

17. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Lublin, 2004. – 232 с. – (Monumenta Studia Gothica. Т. III).

18. Терпиловський Р. В. До проблеми контактів між київською та черняхівською культурами на ранньому етапі розвитку / Р. В. Терпиловський // Археологія. – 2002. – № 3. – С. 18–26.

19. Васильев А. А. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половине III – начале V в. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Васильев. – Киев, 2008. – 17 с.

20. Симоненко А. В. Европейские аланы и аланотанайты в Северном Причерноморье / А. В. Симоненко // РА. – 2001. – № 4. – С. 77–91.

21. Симоненко А. В. Позднесарматское погребение в Центральном Донбассе / А. В. Симоненко // Золото, конь и человек. – Киев, 2012. – С. 227–240.

22. Гопкало О. В. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в ареале черняховской культуры / О. В. Гопкало // Доистория Восточной Европы поздне-римского времени – начала эпохи Великого переселения народов / ред. К. Мызгин. – Харьков, 2011. – С. 15–21.

23. Гопкало О. В. О содержании раннего этапа культуры Черняхов-Сынтана-де-Муреш / О. В. Гопкало, А. С. Милашевский // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. – СПб., 2017. – С. 44–46.

24. Мызгин К. В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным / К. В. Мызгин // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римских влияний и переселения народов / ред. О. А. Радющ, К. Н. Скворцов. – Калининград, 2008. – С. 68–87.

25. Зиньковская И. В. Готланд Эрманариха. Остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья / И. В. Зиньковская. – М. ; СПб., 2018. – 464 с.

26. Бейдин Г. В. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры / Г. В. Бейдин, К. В. Мызгин // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римских влияний и переселения народов. – Вып. II. – Калининград ; Курск, 2010. – С. 135–145.

27. Любичев М. В. Киево-черняховские контакты ступеней С1b-C2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» / М. В. Любичев // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римских влияний и переселения народов / ред. О. А. Радющ, К. Н. Скворцов. – Калининград, 2008. – С. 44–67.

28. Любичев М. В. Поселение Боромля 2 и культурно-хронологические горизонты поздне-римского времени в днепро-донецкой лесостепи / М. В. Любичев // Европа от Латена до Средневековья : варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. – М., 2017. – С. 39–50. – (РСМ, 19).

29. Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005. – 576 с.

30. Зиньковская И. В. Королевство Эрманариха / И. В. Зиньковская. – Воронеж, 2018. – 308 с.

31. Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М., 1999. – 320 с.

32. Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jh. Versuch einer Bilanz / V. Bierbrauer // Frühmittelalterliche Studien. – В., N.Y., 1994. – Bd. 28. – S. 114–121.

33. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М., 1979. – 154 с.

34. Седов В. В. Анты / В. В. Седов // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С. 164–173.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РА – Российская археология
РСМ – Раннеславянский мир

Воронежский государственный университет
Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: zinkovi@yandex.ru

Колесникова А. Ю., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: a.granuaille@gmail.com

Voronezh State University
Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: zinkovi@yandex.ru

Kolesnikova A. Yu., Post-graduate Student of the Archeology and Ancient History Department
E-mail: a.granuaille@gmail.com